

МАРГАРИТА СВИДЕРСКАЯ

Юность Екатерины Великой

«В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

Маргарита Игоревна Свидерская Юность Екатерины Великой. «В золотой клетке»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8644067

Маргарита Свидерская Юность Екатерины Великой. «В золотой клетке»: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76752-6

Аннотация

Отправляясь в далекую Россию, юная принцесса Фике и представить не могла, что ее брак с наследником русского престола окажется «золотой клеткой». Но свекровь-императрица ей не доверяет, нелюбимый муж изменяет с другими, ее собственный фаворит оказался ничтожеством; Екатерине грозит позорный развод и изгнание...

И тут в ее жизнь вихрем врывается Григорий Орлов – гвардеец, красавец, гигант, герой Цорндорфского сражения, влюбленный в нее как женщину, а не будущую царицу.

И Екатерине придется выбирать: прозябать ли и дальше в «золотой клетке» – или восстать против ничтожного мужа, возглавив гвардейский заговор и дворцовый переворот. Остаться ли до конца своих дней мелкой немецкой принцессой

– или завоевать трон Российской Империи, прославив в веках имя Екатерины Великой!

Содержание

Глава I. Под надзором	5
Глава II. Комнатная гвардия	27
Глава III. Под колпаком	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргарита Свидерская Юность Екатерины Великой. «В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

*Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Der taglich sie erobern muss¹.
Иоганн Вольфганг Гете*

Глава I. Под надзором

1745-1762

Тонкий пальчик изящной женской руки, обрамленной в кружевной рукав темно-синего бархатного платья, рисовал узоры на заиндевевшем окне. В темные пятнышки на оттаявшем после прикосновения стекле проглядывали очертания домов, где в окнах мерцали одинокие огоньки. У окна стояла Ее Императорское Высочество Екатерина Алексеевна – супруга недавно взошедшего на престол Российской империи Петра Федоровича, племянника почившей двадцать пятого

декабря прошлого года (всего месяц назад) Елизаветы Петровны из династии Романовых.

Екатерина Алексеевна грустила: она вновь беременна, на сей раз не от мужа. Отцом ребенка был влюбленный в нее гвардеец Григорий Орлов, что темпераментом и едва скрываемой страстностью сметал на пути все сословные преграды, будил мечты о несбыточных, далеко идущих планах. Их связь длилась уже давно, Екатерина подозревала, что и ее не удалось скрыть от Петра Федоровича – во дворце слишком все пронизано наушничеством, даже после смерти Елизаветы Петровны нравы придворных не изменились. И, конечно же, едва ли не главным объектом для слежки была она – Екатерина. Сплетни и разговоры по большей части и повлияли на отдаление супругов, Петр уже не так часто спрашивал ее совета, полностью полагаясь на канцлера Воронцова. Была и еще одна причина охлаждения – племянница канцлера Елизавета Воронцова – любовница государя – чрезвычайно «тихая» молодая женщина, во всех причудах потакавшая Петру.

От размышлений Екатерину оторвал стук дверью. С поклоном вошел слуга с вязанкой дров и служанка. Последняя сделала реверанс и спросила:

– Ваше Императорское Высочество, подать ли чаю?

– Да, принеси. Меду тоже, – и повернулась снова к окну, пытаясь в очертаниях домов рассмотреть тот единственный, где проживал Григорий Орлов.

Екатерину настолько усиленно оттесняли от царственно-

го супруга, что она уже всерьез начала беспокоиться о своей судьбе. Собственно, в шатком положении Екатерина была постоянно, ей все время приходилось приспособливаться и выкручиваться. Память услужливо высветила некрасивую сцену из юности, и Екатерина нервно передернула плечами, укутанными в меховое манто, на мгновение прикрыла глаза. Щеки тут же заалели, как тогда, от полученных пощечин, которыми ее щедро наградила маменька – княгиня Иоанна-Елизавета Ангальт-Цербстская.

В сущности, тогда Екатерине часто доставались оплеухи от родительницы – весьма темпераментной и заносчивой женщины. Но тот случай прочно засел в памяти и навязчиво напоминал о себе, едва Екатерина, по доброте душевной, вдруг начинала грустить о превратностях судьбы. После него она твердо взяла судьбу в руки.

Поздним летним вечером Екатерина, предоставленная самой себе (маменька отправилась верхом в гости к принцу и принцессе Гессен-Гомбургским; Петр, еще жених, развлекался самостоятельно в своих покоях), решила прогуляться по саду – слишком душно было в комнатах.

Женщины, что прислуживали ей, радостно поддерживали предложение, суетливо похватали шали и выстроились рядом в ожидании замешкавшего камердинера Тимофея Евреинова, убежавшего кликнуть для сопровождения еще двух бездельников-лакеев. Екатерине не терпелось быстрее покинуть покои еще по одной причине: несносная Шенк отсут-

ствовала, появился шанс улизнуть и весело, без одергиваний и нравоучений просто прогуляться.

– Вы без матушки уходите в такое время?! – В дверях внезапно появилась соглядательница Шенк. Свита с Екатериной не скрыла огорченного вздоха.

– Душно. Мы прогуляемся по парку, – решила настоять на самостоятельности Екатерина. – Если матушка спросит меня, когда вернется из гостей, позовите.

Внешне Екатерина давно научилась на лице держать невозмутимую маску, старательно скрывая, как испуганно то стучит, то замирает сердце. Шенк поморщилась, но не желала уступать:

– Ваша матушка рассердится. Это неприлично!

– Я иду не одна, меня будут сопровождать мои женщины и вот, – Екатерина взмахнула рукой, указывая на входящего камердинера с лакеями внушительного роста. – С охраной. К тому же мы будем гулять здесь же под окнами. Вы легко можете меня известить, когда матушка появится! – Екатерина сделала два мелких, осторожных шажка к двери. Край пышной юбки вынырнул в коридор, благополучно миновав порог комнаты. Строгого оклика, коим славилась Шенк, не последовало. И Екатерина выпорхнула на свободу, облегченно вздохнув и радостно улыбаясь.

В отсутствии неприятной дамы Шенк, да и матушки, Екатерина с женщинами прекрасно провела вечер, стараясь не думать о возможных последствиях. Вернулись с прогулки

веселыми, в прекрасном настроении, его тут же испортила Шенк, которая встретила ослушницу у окна и с довольным видом сообщила:

– Ее Светлость легли спать рассерженными вашим отсутствием!

– Вам ничего не стоило за мною послать, раз я была нужна матушке! Почему вы этого не сделали?

– И где бы я вас искала?! К тому же даме, одной, неприлично в такое время бегать!

– Достаточно было приказать любому лакею нас найти! – возмутилась Екатерина.

– Вы забрали их с собою! – настаивала Шенк.

Екатерина покачала головой, решив стоять до конца:

– Вы специально не позвали меня!

– Вот как, с чего бы это?

– Чтобы досадить! – Екатерина едва успела замолчать, а так хотелось добавить: «Чтобы в очередной раз вызвать скандал, чтобы...» Причин было слишком много – накопились за столь короткий срок.

На застывшем лице Шенк вдруг оживились тонкие губы, на них мелькнула довольная улыбка, дама сделала реверанс и удалилась с гордым видом, пренебрежительно бросив через плечо:

– Княгиня устала и просила ее не будить.

Екатерина гордо вздернула острый подбородок и отвернулась, повернувшись на каблуках, она направилась к аль-

кову – пора спать. Утром все прояснится. Но внутри перепуганной пташкой трепетало сердце – Екатерина не знала, что наговорила Шенк ее матери. В сильном беспокойстве она уснула, тщетно убеждая и успокаивая себя, что не совершила ничего, совершенно ничего дурного и предосудительного, и матушка выслушает, поймет ее объяснения и примет сторону дочери. Ей очень хотелось верить, что они вместе еще весело посмеются над этой противной доносицей Шенк!

Едва проснувшись, Екатерина быстро собралась и направилась в покои матери. Княгиня еще не встала и полулежала, опираясь на две большие подушки, коих в множестве раскидала на высокой постели под балдахином. Он столь умело был задрапирован, что потертости ткани едва проглядывали в пышных складках. На коленях матушка держала небольшой серебряный поднос, где разместилось блюдо, на него она периодически ставила крохотную кофейную чашечку, сделав маленький глоток и промокнув губы небольшой салфеткой, лежавшей рядом с блюдом. Волосы Ее Светлости были неубранные и торчали подмятыми прядями во все стороны, придавая ей взъерошенный и сердитый вид, белый с кружевами ночной чепец сиротливо валялся в подножье кровати. Маленькие глазки, немного с прищуром, смотрели прямо перед собою, в чашку, и тоже не работали на смягчение образа доброй «маменьки».

Екатерина подошла к кровати и сделала реверанс. Не поднимаясь, она попыталась взять свободную руку матушки,

чтобы поцеловать. Но едва ее теплая рука коснулась тонкой кисти княгини, как та резко дернулась, отняла руку и отвернула голову к окну, продолжая попивать утренний кофе.

– Доброе утро, матушка! – пролепетала Екатерина, она поняла, что мать не в настроении и разговор ожидается, как всегда, тяжелый, с криками, обвинениями, а того гляди и пощечинами. Но оставалась слабая надежда – а вдруг ей показалось, что княгиня в гневе? Ведь все можно объяснить, только бы выслушала.

– Матушка, как ваша вчерашняя поездка? Как поживают принц и принцесса Гессен-Гомбургские? – сделала робкую попытку начать разговор Екатерина, со страхом вслушиваясь, насколько нервно княгиня отпивает чай: постукивание чашки о блюдце было неровным и говорило о нарастающем и едва сдерживаемом гневе матушки.

– Поживают нор-маль-но!.. Меня расстроили и огорчили вы, Фике! Я не ожидала, что моя дочь окажется настолько легкомысленной и безответственной особой! Я полагала, что у вас есть хоть толика мозгов, чтобы не совершать предосудительные проступки, не-по-пра-ви-мые! Вы понимаете значение этого слова? Как вы могли забыть, Фике, что недопустимо появляться в столь поздний час в покоях Его Императорского Высочества?! Что скажет императрица Елизавета?! Какие оправдания мне придумывать?! – Княгиня швырнула пустую чашку на постель, сбросила с колен поднос и свесила на пол ноги, обтянутые длинной ночной рубашкой. Дву-

мя пальцами княгиня приподняла голову дочери за подбородок и немного нагнулась к ней, пристально вглядываясь в побледневшее лицо. — Как такое могло прийти вам в голову?! Кто надоумил вас? Немедленно говорите! Смотрите мне в глаза, Фике!

Екатерину начала бить дрожь, как только княгиня непроизвольно стала повышать голос. Последнюю фразу она уже кричала ей в лицо, цепко обхватив холодными пальцами острый подбородок дочери.

— Я же сказала вам: смотреть мне в глаза!.. Ну же! Кто вас подговорил пойти в покои Его Императорского Высочества?! Говорите!

— Никто, мадам! Я там не была!

— Вы лжете! — взвизгнула княгиня и, не сдержавшись, залепила Екатерине пощечину.

Слезы градом посыпались из глаз, Екатерина прижала похолодевшую ладонь к горячей щеке. Испуганно моргая, она вытянула вторую руку, как бы защищаясь от возможных последующих ударов.

— За что, матушка?! Я не совершала ничего дурного! Мы с женщинами всего лишь прогулялись у нас под окнами!

— Ничего дурного?! Как вы смели поставить под удар свою репутацию, негодная, дрянная девчонка?! — Княгиня нагнулась и прошептала побелевшими губами: — Столько сил потратить на подготовку этого брака, с наследником великой, богатейшей державы, и все пустить коту под хвост! Вы рас-

топтали и наплевали на мои старания, мои силы и нервы. Вы забыли про мое унижение, в конце концов!.. Я столько сделала для вас, Фике, а вы, неблагодарная, одним махом разрушили все! Вы подумали обо мне, своей матери?! Как вы могли забыть о чести семьи?! О том позоре, который теперь будет шлейфом тянуться за вами, где бы вы ни появились?! Да вас не пустят ни в один порядочный дом, вас ждет жалкое существование в монастыре!

– Я не совершила ничего предосудительного, клянусь вам! Я даже не понимаю, за что вы меня ругаете... – всхлипывая, пролепетала Екатерина, ладошкой утирая быстро капаящие слезы.

– Ваш визит к Петру Федоровичу без меня и в мое отсутствие в непозволительное время!

– Но никакого визита не было! Мы с моими женщинами просто гуляли по аллее под окнами. Нас сопровождали двое лакеев и камердинер!

– Не лгите! Это низко и недостойно вас! – еще одна звонкая пощечина украсила румянцем другую щеку.

– Я говорю правду! – залилась слезами Екатерина.

Княгиня встала, подобрала подол рубашки и подошла к секретеру. Несколько минут она перебирала бумаги, совершенно не обращая внимания на дочь.

– Вы слишком безответственно относитесь к своей репутации, Фике. Запомните наконец-то: здесь каждый, именно каждый, постарается вас оклеветать, оболгать, сделать все,

чтобы вас очернить в глазах императрицы Елизаветы и Петра Федоровича. И так будет всегда, – княгиня обернулась, – вы должны быть предельно осторожны, сколько же мне вас наставлять?!

– Я не обманываю вас, матушка, это все несносная обманщица Шенк! Она постоянно клеветает на меня! – не выдержала Екатерина, аккуратно промокнув платочком мокрые глаза. Она на миг замешкалась, задумавшись: стоит ли этим изящным предметом утереть и нос... ведь это испортит дорогую вещь, а вышивка весьма подходит к ее утреннему платью, это может снова рассердить матушку. Столь простого выбора княжна сделать не смогла. Екатерина растерялась и прослушала какой-то вопрос маменьки, и таки разбудила новую волну гнева, что не преминул вылиться.

Княгиня разозлилась, не услышав вовремя ответ дочери, она подошла к той, решив поинтересоваться, чем так занято ее неразумное великовозрастное дитя. Созерцание Фике носового платка ее возмутило в большей степени, чем молчание, и княгиня, вцепившись в длинные волосы дочери, развернула ее к себе, залепив очередную пощечину.

– Не смейте рыдать! Вы – будущая императрица! Подумать только: через пару месяцев вы будете обвенчаны с великим князем! Если, конечно, не испортите все своим недолгим куриным умишком! Не вздумайте опять предаться детским выходкам! Вытрите сопли, Фике! Да выкиньте вы этот платок!

Екатерина послушно выполнила указания матушки: бросила платочек на пол не глядя. Княгиня немного успокоилась и, присев на кровать, потратила целый час, вдалбливая прописные истины в пустую, по ее мнению, голову дочери.

– Ступайте переодеваться, приведите лицо в порядок. Скоро обедать у Его Императорского Высочества. Я надеюсь, вы запомнили мои слова?!

– Да, матушка! – Екатерина поднялась с пола, сделала реверанс, поцеловала руку у матери и вышла к себе.

Яркие отметины изящной руки княгини, алеющие на щеках, да красные припухшие веки сказали окружающим, что девушке досталось от матери за невинную вечернюю прогулку. Времени на переодевание к обеду и примочки для век почти не осталось, и прислуга засуетилась.

«Господи, помилуй, как же я устала от этих доносчиков! Я же ничего не делаю плохого! Почему матушка так строга? Почему она верит всяким сплетням, а не мне?! Ведь я ее дочь, мы же должны любить друг друга, жалеть, поддерживать. Но я только и слышу упреки и жалобы о моей нелюбви и неуважении к ней! Но я же ценю ее, почитаю. Слушаюсь. Так отчего же она так сурова со мною?» – Екатерине было необычайно себя жаль, слезы, что накатывались на глаза, она не смела показать перед прислуживающими женщинами, отчего непроизвольно опускала голову и часто-часто моргала. Только юность и веселый нрав не позволили Екатерине дол-

го печалиться.

Наконец-то туалет был закончен, и Екатерина сорвалась с места, побежала в комнату матери. Не дай бог, та уже готова и ждет ее, пусть даже и несколько секунд! Так и оказалось. Княгиня раздраженно прохаживалась по комнате, на небольшом свободном «пяточке» между кроватью и столом, изредка цепляя юбками кресла с изогнутыми ножками и редкими проплешинами на обивке.

– Неприлично опаздывать и заставлять себя ждать, Фике! Столько времени сегодня говорила с вами и опять зря! – прошептала княгиня, оскорбленно поджала тонкие губы и прошла вперед к лестнице, заставив дочь посторониться и пропустить ее.

Екатерина грустно вздохнула, стряхнула с подола невидимую пылинку, подняла вверх подбородок и последовала за матерью, шепотом считая ступеньки, находя удовольствие в этом занимательном занятии. К тому же число ступенек все время получалось разным, возможно, Екатерина часто сбивалась со счета, отвлекаясь на происходящее рядом. Вот и сейчас вкусно пахло жареной курицей со специями от блюда, накрытого серебряным колпаком, которое продефилировало в руках официанта, что бодро спешил подать его к столу великого князя.

«Ой-ля-ля! Мы опаздываем – курицу уже понесли!» – и Екатерина прибавила шаг.

В первой комнате покоев, где располагался жених Ека-

терины – Петр Федорович, толпились придворные и снова-таки официанты. Екатерина иногда задавалась вопросом: «Как им удастся сохранять такую слепающую белизну перчаток?» Но девушка и на этот раз не стала задумываться. Ее отвлекли, нужно было отвечать всем собравшимся на приветствия.

Назойливые взгляды буквально буравили маленькую княжну, подмечая припухлость и красноту век, неровный румянец на бледных щеках. Она смутилась. Но тут же отмела нерешительность – для придворных не было секретом, что княгиня Ангальт-Цербстская частенько потчует дочь затрепанными и пощечинами.

Из приотворившейся двери, что вела в покои великого князя, выглянул сам Петр, он схватил Екатерину за руку и втащил ее.

– Что же вы так задержались?! Я получил новые книги и фортификационные чертежи!.. Смотрите! – Жених увлек ее к столу, где высились стопками томики и пологой горой расплзлись рулоны чертежей. Петр быстро разворачивал один за другим, тыкал пальцем и восторженно сыпал военными и строительными терминами, которые Екатерине были непонятны. Невольно она подавила зевоту, ее больше заинтересовали книги.

– Петр Федорович, позвольте мне посмотреть книги?

– Екатерина, что с вашим лицом?! – Жених наконец-то отвлекся и заметил следы утренней выволочки. Екатерина засмушалась, схватила первую же книгу и принялась ли-

стать страницы, не разбирая и не вчитываясь. Буквы немецкого шрифта слились от набежавших слез при напоминании об утреннем инциденте. Петр решительно, немного резко, свернул чертежи, которые интересовали его буквально минуту назад, гневно отшвырнул их в общую кучу и подошел к невесте. Та замерла с раскрытой книгой, в полной растерянности: ей не хотелось врать другу, а тогда они еще были добрыми друзьями. И правду говорить не хотелось – слишком унижительными считала Екатерина оплеухи княгини Ангальт-Цербстской – ее отхлестали как обычную прислугу, как неразумное дитя, забыв о возрасте и ранге.

– Это опять пощечины от вашей матери?! – тихо спросил Петр, закипая от гнева, осторожно проводя пальцами по щеке. – Вы опять плакали?! Не отрицайте, Екатерина!

– Да. Я прогневила ее... – тихо ответила она, непроизвольно оглянувшись по сторонам. Кроме них в комнате находился чудаковатый карлик, который взгромоздился на стол и пытался перекладывать книги, пыхтя и вздыхая от усердия.

– Какое она имеет право вас бить?! Как только мы поженимся... Нет! Я сейчас же ей запрещаю поднимать на вас руку! – Петр направился к выходу. Екатерина сорвалась с места и остановила.

– Умоляю вас – не делайте этого! Матушка ругалась не со зла. Такой у нее характер! А нечестные люди этим пользуются! Мы сразу простили друг друга! Не нужно скандала.

Умоляю вас!

– Екатерина, – Петр высвободился. – Как вы не понимаете, я не могу оставить этот инцидент просто так. Я не могу молчать. Пусть я пока не муж вам, но защитить вас – моя обязанность! К тому же ваша мать давно уже испытывает мое терпение, она несносная интриганка! И не смотрите на меня такими глазами, не просите! Княгиню давно пора поставить на место! А еще лучше выпроводить за пределы империи!

– Нет! Вы только еще больше разожжете огонь скандала, который я погасила! – Екатерина преградила дорогу, прекрасно понимая, что не сможет удержать негодующего жениха, который возвышался над нею. Петр рассерженно переминался с ноги на ногу. Потом признался себе, что Екатерина права и еще неизвестно, как отнесется к прилюдному скандалу тетушка-императрица. Непредсказуемый результат охладил порыв наследника – ему тоже приходилось балансировать в окружении соглядатаев и доносчиков. Он и уступил.

– Хорошо, но пусть... пообещайте мне, такое больше не повторится. И вообще, мы с вами друзья. Значит, должны помогать друг другу и поддерживать, иначе эти мадамы нас просто уничтожат! Идемте обедать, я не буду ничего говорить вашей матери! Сегодня, – уточнил Петр и предложил руку.

За столом Екатерина постоянно ловила на себе насмешливые взгляды придворных, мать посмотрела в ее сторону всего лишь раз – скользнула взглядом как по пустому месту.

«Опять холодность. Опять она на меня дуется! Видимо, правда в ее словах: нужно притворяться и быть любезной со всеми, чтобы не навредили. Нельзя никому доверять. А Петру? Доверяю ли я своему жениху? Вот уж не знаю. А зачем мне это? Пусть он мне доверяет! Так будет лучше для меня».

Вот уж скоро Красное Село. Екатерина вглядывалась в лицо матери, стараясь запомнить каждую черточку – скорее всего княгине Ангальт-Цербстской больше не будет дороги к русскому двору. Императрица Елизавета и канцлер Бестужев дали понять, что ей больше не рады. Она выполнила великую миссию – выдала дочь замуж за будущего императора Российской империи и теперь не нужна. Слишком много интриг, многочисленных скандалов и ссор провоцировала, изрядно утомив императрицу Елизавету Петровну. Бестужев же утомился от ловли и перекупки шпионов, которых постоянно вербовала для Фридриха Прусского неутомимая княгиня.

Мать и дочь держали на лицах маску холодности, легкой напускной грусти – соответствующей моменту расставания. Но внутри у них бурлили страсти.

Княгиня злилась, что не успела выполнить задуманное – не всех намеченных людей удалось подкупить, слишком дорого стоили шпионы, немерено тянули у нее золото, а информации пшик. Приходилось искать новых – замкнутый круг. Но более всего ее душила зависть, настолько сильная,

что при одном взгляде на юную дочь, великую княгиню и будущую императрицу, она пробегала в оскорбленно-обиженных складках у тонких губ, в узком прищуре темных глаз.

«Эх! Мне бы твои годы, Фике. Уж я бы развернулась! Всех взяла б, в кулаке держала! Только ты, глупенькая, не понимаешь, какая тебе досталась удача – Империя! И мужа – олуха Питера под каблуком держать не сумеешь. А он – вот, бери и крути им! Мало. Ох мало я Фике наставлений дала. Да что уж теперь – поздно. Попытаюсь на остановке с ней переговорить» – княгиня искоса, из-под ресниц взглянула на зятя, который сидел напротив нее и откровенно скучал.

Петр не пытался проявить вежливость и завязать разговор с отъезжающей родственницей. А о чем говорить? Показывать радость – неприлично, растекаться в любезностях и приглашать наведаться – Боже, спаси! Пусть по другим дворам путешествует, тут уже всех допекла. Наконец-то отбывает! Счастье-то какое! Екатерина теперь не будет такой дерганой и заплаканной. Они смогут разговаривать, больше общаться. Он непременно научит ее стрелять из ружей, разбираться в фортификационных чертежах – это же так интересно! И все без оглядки, не прячется ли кто за занавеской.

В отличие от близких людей, Екатерина грустила по-настоящему. Родной человек уезжал навсегда. Приходилось считаться: не будь княгиня столь расторопна и настойчива, Фике никогда не стала бы женой будущего императора. Ма-тушка приложила много сил, чтобы этот брак состоялся. Вот

только тепла и любви не получила от нее, так что ж – судьба такая. Но научила ее маменька многому, и Фике будет хитрить, интриговать, потому что так принято в обществе. Чтобы дружить с кем-то – ни-ни: отошлют подальше, как Жукову. Только Екатерина теперь знает, как себя вести: всех обласкивать, вокруг держать людей подкупленных, не забывать благодарить по праздникам, благо их в православии достаточно.

– Сто-о-й! Прибыли! Красное Село!

Карета остановилась, и путешественники вышли размять ноги и попрощаться: княгине было предписано на ночлег не останавливаться, а следовать дальше. Осень только вступала в права, солнце светило еще ярко, но шальной ветерок периодически налетал и весело трепал вуали на шляпах дам, играл с пышными складками юбок, заставлял изредка прищуриваться.

Петр Федорович то ли из деликатности, то ли от желания скрыть радость расставания ушел выпить пива с дороги и перекусить. Мать и дочь остались одни. Екатерина молчала, ей нечего было сказать, кроме слов благодарности. Княгиня же нервно кусала нижнюю губу, периодически оглядывалась и все не решалась начать разговор, который она считала важным.

– Фике, бесполезно говорить что-то: ты все равно сделаешь по-своему, но поверь, твоей матери не безразлична твоя судьба, – решила наконец-то княгиня. – Я положила столь-

ко сил и средств, чтобы состоялась сея партия, лучшая, между прочим, в Европе, и надеюсь, тебе хватит ума не разрушить все.

– Я благодарна вам, матушка, – потупила глаза Екатерина.

– Не перебивай меня, Фике! Мне так сложно разговаривать!

Екатерина послушно склонила голову. Княгиня продолжила:

– Умоляю тебя, Фике, не вздумай доверяться Елизавете! Ваш брак... Он важен, но твоя малейшая оплошность – и тебя ждет либо ссылка, либо казemat! Не верь ей никогда. Ее ласке, расположению! Все может измениться в любой момент! – Княгиня опять оглянулась. – Никогда не забывай, есть еще претенденты на престол, Петр Федорович не единственный кандидат на трон! С Бестужевым будь осторожна – хитрейшая лисица, старайся дружить... Собственно, что я говорю? Располагай всех, одаривай словом, лучше монетой, без разбора, Фике, потому что слуги много чего слышат, а потом доносят! Не скупись! От этого зависит, как долго ты проживешь в России!.. И не забывай, – тут княгиня прижала платочек поочередно к уголкам глаз, промокнув якобы набежавшие слезы, – не забывай, Фике, свою мать!.. Я столько для тебя сделала!

Обратно ехали молча, Петр попытался затеять разговор, но Екатерина ответила невпопад и вызвала неудовольствие.

Петр надулся и замолчал, иногда искоса поглядывая на ту, время которой, настроение, желания и жизнь, по его разумению, теперь всецело принадлежали ему. И все же, когда оставалось совсем недалеко до Петергофа, наследник вдруг пересел на сторону Екатерины и, заговорщицки подмигнув, приблизил губы к ее уху, выдал:

– Одной мадамой стало меньше. Это хорошо или плохо?

– Не знаю, – честно ответила Екатерина. Чувство свободы, освобождение из-под гнета матери пока совершенно не отразились на ее состоянии. Пустоту ничем не заполнить, сейчас она ощущала одиночество, хотелось плакать. Совсем иначе она представляла освобождение от опеки матушки.

– Пока княгиня была при дворе, она притягивала всех шпионов тетушки, а вот теперь... Они все будут следить за вами, Катрин!.. И еще больше за мною.

– Но зачем? Ведь я не собираюсь делать ничего предосудительного!

– Возможно, ни вы, ни я, но мы ведь не единственные претенденты на трон Российской империи! Нужно быть готовыми к любым неприятным событиям... А еще лучше: опережать их, на час, на сутки, на годы. Как считаете?

– Не понимаю вас!

– Неправда! Все вы поняли, Катрин, мы теперь заложники тетушки Елизаветы, должны быть ей покорны и послушны, но стоит кому-то захотеть заработать на ее вечном страхе перед переворотами, и все... Бах! И мы в темнице.

– От злого языка нет спасения, вы сами знаете, так что пусть нас Бог хранит! – попробовала увернуться Екатерина, но Петр не позволил. С него слетела напускная ребячливость, он продолжил:

– Готов может быть только тот, у кого будут верные люди. Кто предупредит, кто вооружит, кто пойдет на государственное преступление и прольет кровь. Без этого мы обречены, Катрин! Ну, мы же друзья с вами! Вы мне не верите?

– Верю!

– Тогда... Вместе?

– Но у нас достаточно солдат стоит на охране! Много слуг...

– Вздор! Они все служат тетушке! А нам нужны свои слуги. Свои гвардейцы. Люди, преданные только нам! Нужно подкупать шпионов, нужно вложить оружие в руки слуг и тренировать их – это будет наша тайная армия, которая нас защитит от гнева императрицы. Они спасут наши жизни... Вы поможете мне?

– Вы пугаете! Это похоже на заговор! За такое уж точно в казематы Тайной канцелярии!

– Так и есть! Ну же, Катрин, с кем вы?!

«Это сумасшествие! На что он меня толкает?! Но и матушка говорила не верить императрице, про Петра она ничего не сказала. Мы с ним друзья. Он откровенен, раз решился сказать мне такое – я же могу пойти и донести! Одной мне не выстоять, нужен друг. Но может ли Петр меня защитить,

а нас?» – мысли проносились подобно вихрю.

– Катрин? – торопил ее наследник престола, впиваясь пальцами в ее руку. – Вы со мною? Вы поможете мне нас защитить?

– С вами.

Глава II. Комнатная гвардия

1746

Показавшаяся сначала забавой, игра в солдатики, где Екатерина оказалась рядовым и должна была часами замирать, поворачиваться, делать определенной длины шаги, очень быстро ей наскучила. Да и утомительно это – стоять и не шевелиться! И потом, ну как так, она – жена будущего императора и вдруг рядовой. Не выйдет. И великая княгиня взбунтовалась.

– Почему это я все время рядовой?! Мне надоело!

– Встаньте на пост! – приказал Петр строгим тоном. – Вы охраняете наследника Российской империи!

– Вот пусть он и охраняет! – Екатерина отняла у лакея поднос с чашками, поставила его на стол, заваленный книгами и чертежами. Пока лакей в недоумении хлопал перепуганно глазами, она вручила ему палку, которая служила ей ружьем, и, довольная, плюхнулась на диван. Юбки взметнулись, задрались вверх, обнажив стройные ноги в белых чулках. Великая княгиня быстро исправила беспорядок в одежде.

– Вот так лучше. Ноги устали! – пояснила Екатерина.

– Мне нужны еще четверо, – задумчиво проговорил Петр, отрываясь от записей. – Кликни людей! – приказал он лакею.

– Смотрите. Я начертил план крепости на полу, – взмахнул наследник рукой, приглашая Екатерину присоединиться, – надобно расставить солдат и проверить... Встаньте сюда!

– Ни за что! Ваше Высочество, помилуйте! – отпрянула Екатерина, отбегая на несколько шагов и спрятав руки за спину.

– Мы же договорились?! Вы никогда не сможете понять...

– Ваше Высочество, поймите, я никогда не буду офицером! Посмотрите, это же смешно выглядит, когда я в пышных фижмах и с палкой вместо ружья! Нелепее только пугало в поле!

Петр застыл, поправил парик, обошел Екатерину по кругу и задумчиво проговорил:

– Пожалуй, вы правы, с вашими пышными юбками вы не сможете ходить строем. Вы будете мешать!.. Я понял! Нам срочно нужно купить мундиры! И палки эти, они не дают нужный вес ружья. Безобразие, как я мог такое упустить! Екатерина, вы слышите? Нам нужна форма для нашей гвардии!

– И что? – хлопнула ресницами Екатерина.

– Нужно ее достать!

– Где?

– Вы не хотите быть солдатом?

– Ни за что! – вскинула голову Екатерина.

– Назначаю вас интендантом! Теперь слушайте мой приказ: позаботьтесь и приобретите форму для нашей гвардии! Закупите настоящие ружья, каски, все, что нужно!

– Вы шутите, Ваше Высочество?! – сделала попытку возразить Екатерина. Понимая, что не только не смыслит во всем многообразии воинской амуниции и оружию, но и не знает, где взять столько денег на все запросы будущего государя.

– Вы-ы-пол-нять! Раз-два! Вас уже нет здесь, господин интендант!

Озадаченная Екатерина поплелась к двери, оглянулась, чтобы проверить – может быть, наследник с нею шутит? Но вслед донеслось:

– Что за улитка ползет в суп? Строевым, мадам! Носок тянем!

Не слушая приказа, Екатерина предпочла выбежать из покоев. В передней она столкнулась с поручиком Андреем Чернышевым, что служил при наследнике. Молодой человек вскочил и поклонился. Чернышев был приятной наружности и имел особое расположение Петра Федоровича. Тот ему полностью доверял и любил. Да и Екатерине нравилось общение с камер-лакеем мужа. Взаимная симпатия обнаружилась у всех троих. Всегда находились темы для разговоров, которые прерывались лишь особыми поручениями. Но сейчас Екатерина не желала задерживаться, она спешила к себе,

чтобы реально отдохнуть. Тем не менее вежливое участие Чернышева, спросившего, не нужна ли великой княгине помощь, раз она так спешно покидает покои наследника, вынудили Екатерину остановиться. Она позволила себе немного пококетничать с молодым человеком, самую малость – легкий флирт, во время которого случайно обронила, что не знает, где ей найти достаточно денег на выполнение поручения от Его Высочества. Екатерине эта проблема казалась весьма сложной.

Чернышев задумался и высказал предположение, что великая княгиня могла бы обратиться к барону Сергею Григорьевичу Строганову – человеку доброму и благонамеренному, к тому же богатому и доброму. Болтать о нуждах великой княгини он никогда не будет – не того нрава, в скандалах и интригах не замечен и помочь щедро сможет – богат непомерно. Екатерина забыла о спешке, присела на диванчик и подробно выпросила все о нужном ей человеке.

Екатерина собиралась ложиться спать, но тут вошла Крузе с докладом от императрицы:

– Ее Императорское Величество требуют вас зайти завтра после ужина в кабинет, – сказала, как выстрелила, и добавила: – Слишком много трат вы совершили, Ваше Высочество. Ее Величество гневались, – добавила едва слышно, приблизившись к кровати вплотную.

Екатерина немного побледнела, спрыгнула с кровати и по-

дошла к столику, распахнула крышку большой резной шка-
тулки, достала небольшой синий мешочек, обернулась к да-
ме:

– Сильно гневалась?

Мешочек перекочевал в руки Крузе и исчез в складках
пышного платья.

– Сильно. Разнос учинили. Список купленных вещей по-
требовала.

– Составь, – тихо приказала Екатерина, возвращаясь на
кровать, укутывая в одеяло босые ноги, замерзшие на холод-
ном полу. – Шпильки, булавки, десяток книг, ружье новое,
что подарено мне, платьев десяток, два ожерелья, одно коль-
цо с изумрудом неodeванное.

– Как скажете, – поклонилась Крузе и направилась к вы-
ходу. – Только ружье бы не советовала вписывать.

– Напиши, что охотничье.

– Поняла, сделаю, – на выходе Крузе столкнулась с пре-
столонаследником. Его дама одарила глубоким реверансом.

– Ей дня мало? – поинтересовался Петр, скривив губы. –
Мне показалось, или эта ненасытная паучиха что-то утащила
в лапках?.. Катрин, помогите мне, – наследник подошел к
большому ящику и попытался отодвинуть от стены. – Нужно
же еще один спектакль сделать!

– Не показалось. Я ей отсыпала за работу, завтра после
ужина меня вызывает императрица, она недовольна моими
тратами, – Екатерина вновь сползла с кровати и помогла су-

пругу сдвинуть ящик. За ним давно устроили тайник. Петр вынул несколько документов, свернутые в рулон чертежи, перенес это на кровать и углубился в чтение.

– Ваше Высочество, вы забыли, – Екатерина порядком замерзла стоять босиком на холодном полу.

– Что? – оторвался Петр от бумаг.

– Солдатики, – едва сдержала улыбку Екатерина. – Вдруг Крузе войдет?

– Ммм, сделайте одолжение, расставьте их на сундуке. И пару кукол добавьте.

Занятие предстояло долгим, и Екатерина прошлепала к кровати, натянула чулки и обулась. Потом она терпеливо расставила игрушки на сундуке. Непроизвольно подвигала солдатиков, перемещая их без всякой системы, пока наследник не видел. Его всегда раздражал беспорядок в «боевом построении». Взяла двух кукол: даму в пышном платье и бравого гвардейца. Расправила складки, поправила шляпку, за куклу-даму сделала несколько реверансов и приблизила ее к кукле-гвардейцу. Дальше в руках Екатерины игрушки начали танцевать. Великая княжна любовалась на них и бросила грустный взгляд на лежащего поверх одеяла мужа.

«Кружатся в танце куклы, подвластные моей воле, вот бы и в жизни было так! Но Петра интересует совсем другое, а я красивее куклы, я живая...» – мысли и робкие взгляды Екатерины прервал деликатный стук в дверь. Через паузу, за которую наследник престола Российской империи успел быст-

ро сгрести разложенные на кровати книги и карты, закинуть их под подушку и прикрыть все одеялом, Екатерина перекинула ему кукол. В двери повернулся ключ, и вошла Крузе.

Дама сделала реверанс, бросила внимательный взгляд на строй солдатиков и застывших в танце кукол, с которыми игрался Петр, улыбнулась и подошла к Екатерине.

– Ваше Высочество, нужно ли чего?

– Благодарю вас, нет.

– Спокойной ночи, Ваши Высочества! – Крузе поклонилась и отвернулась уходить, бросив взгляд, полный сожаления, на супругов, где один валялся на кровати и забавлялся куклами вместо жены. Та же, в свою очередь, бесполезно вертела в пальцах солдатика в мундире гвардейского офицера.

«Сушие великовозрастные дети... А наследников им тоже куклы и солдатики будут рожать? Беда с ними!» – еще раз поклонившись, Крузе покинула супругов. Теперь она пойдет к императрице и доложит той вновь безутешную новость: играют в куклы, можно спать спокойно.

– Мне кажется, тучи сгущаются, как бы опять не раскрыли наш замысел! – оторвался Петр от раскладывания книг и чертежей.

– Крузе напишет список, как всегда, и меня просто отругают за чрезмерное использование шпилек и пудры.

– Нет, Катрин! Мы слишком увлеклись и вы в опасности! Нужно срочно отвлечь тетюшку от ваших трат, она мо-

жет ужесточить слежку, а ведь на днях мы должны получить ружья. Никак нельзя допустить, чтобы тетушка дозналась о них!

– Вы пугаете меня!

– Нет, просто нужно быть осторожными, – Петр усадил жену рядом, взял ее холодные руки, нежно погладил. – Катрин! Я уже придумал! Я отвлеку внимание на себя! Не нужно бояться!

– Что вы придумали? – Екатерина с надеждой посмотрела на супруга, придвинулась к нему ближе, он обнял ее за плечи и зашептал, делаясь планом. Но, едва она услышала, что он хочет сделать, как тут же вывернулась из его рук и вскочила:

– Нет-нет! Это недопустимо неприлично!

– Именно так! – рассмеялся Петр. – Но мы сможем на нужное время отвести внимание от вас!

– Вас назовут безумцем!

– Не в первый раз! Куда важнее отвлечь внимание и гнев тетушки от вас!

Утром пришла Крузе, список получился внушительный. Екатерина просматривала его, диктовала исправления. До полудня она нервничала, пытаясь представить себе ситуацию, которую собирался в домашнем театре марионеток буквально разыграть Петр. Риск провала был настолько велик, что Екатерину немного лихорадило. Она попыталась читать, только чтобы не выходить из комнат и ни с кем не разгова-

ривать. Ее все равно отрывали вопросами:

– Подать ли кофе, Ваше Высочество?

– Вы наденете голубое или сиреневое платье к ужину? Какие драгоценности приготовить?

Все это необычайно раздражало, Екатерина отвечала невпопад и немного резче, чем обычно. Женщины переглядывались и не принимали всерьез: мало ли кто испортил настроение великой княжне.

Екатерина ждала начала спектакля. Петр ворвался в ее комнаты, размахивая руками, то и дело поправляя сползающий парик, который от быстроты и резкости движений наследника не мог удержаться на голове. Петр Федорович был необычайно возбужден, можно сказать, что весь набор гримас, на которые оказалось способно его подвижное лицо, сменялось быстрым калейдоскопом. Он хватал всех за руки и пытался вытолкать за дверь, при этом приговаривая:

– Скорее! Я приготовил вам сюрприз! Вы такого еще не видели! Обхохочетесь, идите же!.. Мадам, – обернулся к Екатерине, крутнувшись на каблуках, Петр. – Скорее. Вы пропустите все самое интересное! – и, подмигнув, бросился в свои покои.

«Господи, помоги нам!» – подняла глаза к небу Екатерина, перекрестилась и пошла следом за всеми.

Как ни странно, но в покоях наследника стояла тишина, изредка ее прерывало смущенное хихиканье и шушуканье. В театральной мастерской большая группа кавалеров и дам

восседала на различных стульях, табуретах, скамеечках для ног перед заколоченной дверью, смежной с покоем императрицы Елизаветы. Все гости наследника пялились на эту дверь, изрешеченную просверленными дырочками на ту сторону покоев.

– Присоединяйтесь, я оставил вам самое лучшее место, мадам, – указал наследник на стул с высокой резной спинкой. Вы все сможете рассмотреть наилучшим образом!

– Как вам не стыдно, Ваше Императорское Высочество! Это верх неприличия подглядывать за императрицей! – зашептала Екатерина, не думая присаживаться. Она продолжала стоять в дверях. Притворяться не приходилось, задумка наследника действительно была ей омерзительна, как человеку, находящемуся под постоянным контролем. – Сейчас же прекратите этот гнусный спектакль, он не делает вам чести и чести вашим зрителям!

Первыми из придворных, кто посмел, стыдливо опустив глаза, встать и проскользнуть между супругами, оказалась Крузе, а за нею остальная свита Екатерины. Щеки дам пылали от румянца, глаза старались держать опущенными.

Крузе одарила Екатерину довольным взглядом, а на наследника посмотрела, опустив уголки губ, что у нее означало степень крайнего негодования.

Так же тихо, с понурым видом, покинули мастерскую и остальные придворные. Петр улыбнулся, глядя последнему в спину. Екатерина попыталась выдохнуть и расслабиться,

когда вздрогнула – прохладная рука наследника коснулась ее и ласково пожала.

– Ждем ужина... – прошептал Петр и тут же громко крикнул:

– Эй, бездельники, разгребите все эти стулья! Спектакль закончен!

Сделав реверанс, Екатерина удалилась.

Обед и ужин прошли без происшествий, сегодня не было ни бала, ни маскарада, так любимых императрицей. Екатерина обождала некоторое время Чоглокову и направилась в покои Елизаветы. По пути она несколько раз останавливалась и осеняла себя крестным знамением. В передней ее встретила Мария Чоглокова.

– Ее Императорское Величество Елизавета Петровна занята, она не может вас принять, о встрече я уведомяу вас позже, – дежурный реверанс со слегка наклоненной головой окончил короткий разговор.

«Ждать?! О, Боже! Господи, Иисусе Христе, спаси и сохрани меня, рабу Твою, Екатерину! Теперь каждую минуту может вызвать к себе, буду висеть и болтаться на ниточке, как кукла!»

...Прошло три дня. Ружья для «комнатной гвардии» наследника были успешно доставлены и спрятаны в его покоях. Шпионы Екатерины разом умолкли и не доносили ни о каких разговорах.

Дворец замер в ожидании большого скандала.

Не приходилось сомневаться, что о проступке Петра Федоровича императрице известно. Сам Петр продолжал веселить себя и придворных, словно ничего не произошло. И вот наступило воскресенье. Платье Екатерины, в котором она посещала церковные службы, оказалось неготовым, и великая княжна припозднилась к обеду. Это было тут же замечено. Под сводами проплыло недовольное шушуканье дворян. Екатерине едва удалось сосредоточиться на молитве, как рядом опустился Петр, который вызвал новый всплеск эмоций у придворных, которые в отсутствии Елизаветы вели себя раскованно. Императрица не ходила в придворную церковь, а посещала богослужение в своей малой домашней.

После службы Екатерина собралась переодеться, но услышала, что к ней с визитом идет императрица.

Елизавета вошла красная, с лицом, искаженным гневом: по щекам расплзались красные пятна, губы дрожали. Екатерина поторопилась к ней, чтобы по этикету опуститься в глубоком реверансе и поцеловать руку в знак приветствия, так как они еще не виделись в этот день.

– Здорова ли, Екатерина Алексеевна? – Теплые губы императрицы ласково коснулись лба великой княжны, которая преклонила перед императрицей колени. – А где мой наследник? Где Петр Федорович? Велите доложить ему, чтобы немедленно шел сюда! – приказала Елизавета. Крузе поклонилась и быстро побежала выполнять указание.

– Что же ты, Екатерина Алексеевна, – Елизавета уселась в кресло, но Екатерине сесть не предложила. Та так и осталась стоять перед нею, в волнении, непроизвольно теребя кружево длинного рукава, – опаздываешь к обедне? Негоже в воскресный день спать долго! Не стоит уделять большое внимание нарядам – перед богом мы все едины! Недовольная я тобой! Нужно брать пример с меня: во времена не столь давние, в дни правления императрицы Анны, я не жила во дворце, но никогда не нарушала своих обязанностей. Вставала засветло, часто при свечах, и никогда не опаздывала к церковной службе. Ты же, милочка, слишком много времени уделяешь внешности и нарядам!

– Простите меня, Ваше Императорское Величество, больше такого не повторится! – Екатерина поклонилась, скромно опустив глаза.

– Кто ваш камердинер-парикмахер, ему что, уже лет за сто будет? Слабость в руках, ноги не передвигает? Немедленно позовите сюда, – велела Елизавета. – И узнайте, почему задерживается Петр Федорович!

Теперь к Екатерине присоединился склонившийся и трясущийся камердинер, которого ровным, спокойным голосом распекала императрица:

– Если ты будешь так медленно причесывать свою госпожу, я выгоню тебя!

– Помилуйте, виноват, виноват, матушка-государыня! – Камердинер бухнулся Елизавете в ноги, жадно схватил по-

дол платья и припал, лобызая.

– Если ты, бездельник, понял меня, то помилую, если не понял – прогоню! Работать нужно споро, чтобы госпожа не опаздывала из-за тебя и я ее потом не ругала! Ступай!

– А вот и племянничек мой, гляди, Екатерина Алексеевна, бери пример: так спешил, что и одеться не успел!

Великий князь, очевидно, тоже собирался сменить платье, но приказ императрицы явиться немедленно вынудил Петра прийти в шлафроке и с ночным колпаком в руке, который вовсе не соответствовал времени и месту. Наследник подошел к императрице, весело размахивая белой тряпкой, изредка поднимая ее над головой подобно белому флагу. Он приседал и кружился, с довольно развязным видом насвистывал ему одному известную незатейливую мелодию. Екатерина готова была заткнуть уши, настолько звук резал нестройностью и отвратительным исполнением.

Императрица рассмеялась и протянула племяннику руку:

– Довольно! Оглушил совсем уж, шутник!

Петр встал на колено, облобызал руку; тетушка поцеловала его в лоб, перекрестила и позволила подняться с колен. И тут началось. Притворно ласково Елизавета для начала спросила:

– Вот что, племянничек, скажи-ка мне, откуда у тебя, негодного мальчишки, взялась смелость сделать то, что ты сделал?

– Явился в шлафроке, государыня? Так лучше быть

неприлично одетым, чем разгневает вас! – притворился Петр и живо схватил руку императрицы для нового поцелуя. Но та вырвала и уже сухо пояснила:

– Я была страшно удивлена, когда вошла в комнату, а дверь к тебе, что была забита уж давно, вся в дырках, вся просверлена. И через каждую дырку видно место, где я сижу по обыкновению.

Екатерина почувствовала, как начали пылать ее щеки, глянула на мужа – у того горели уши, на лице читалось грулейшее недоумение.

– Али забыл ты, Петр Федорович, кому милостью обязан?! – императрица повысила голос, и чем сильнее он становился, тем более увеличивалась бледность, прогоняя красный стыд с лица наследника. – Твой поступок показывает, насколько ты неблагодарен мне, вытащившей тебя из грязи в великие князья! Так я напомним тебе историю рода нашего, которую ты так плохо усвоил! Твой дед, мой отец Петр I, тоже имел сына, неблагодарного мальчишку. Тебе напомнить, что он с ним сделал?.. Лишил наследства! Ты этого хочешь? Ты ставишь свою персону выше моей, что позволяешь вторгаться в мою личную жизнь?!. Когда я жила при императрице Анне, то никогда не позволяла ни словом, ни делом, ни намеком ее обидеть – только уважение, подобающее помазаннице Божией! Но императрица Анна также не любила подобных шуток. Да и вообще шуток. Она сажала в крепость и за меньшие проступки! Вы – бессовестный и неблагодар-

ный мальчишка, Петр! Но я сумею вас проучить!

– Ваше Им-им-ператорское Величество... – пробормотал Петр, слегка заикаясь, пытаясь что-то сказать, но императрица уже настолько себя распалила, что перебила его:

– Молчать! Мне не надобны ваши оправдания! Вы – распущенный и наглый мальчишка, нищий, которого я вытащила и обласкала! Да я в любой миг могу бросить вас в казематы, приказать пороть!

– Я не просил вас привозить меня в Россию! – рассердился Петр и шлепнул себя колпаком по ноге.

– Как ты смеешь говорить мне такое?! Неблагодарный!

Екатерина застыла испуганно, она никогда еще не видела такой ярости у императрицы. Неожиданно ей стало жалко Елизавету как женщину, на глазах проступили слезы, что было тут же замечено:

– То, что я говорю, к вам не относится. Не ревите! Я знаю, что вы не принимали участия в этом гнусном спектакле, вы не подсматривали и не хотели подсматривать через дверь! Вы не предавали меня, Екатерина, и я рада, что не ошиблась в вашей порядочности! Возможно, со временем вы сможете привить чувства благодарности и такта этому великовозрастному болвану, который станет императором, если не усугубит своей никчемностью положения и не доведет меня до необходимости заточить его в крепость! – выпалив, Елизавета взмахнула платком у раскрасневшегося лица, остужаясь, и пошла на выход.

Великий князь усмехнулся и ушел к себе закончить переодевание, предупредив, что будет обедать у Екатерины и всем гостям надобно отказать. Едва он вышел, появилась Крузе, помогла госпоже поменять платье. Вид у дамы был загадочно-довольный, она порывалась вызвать Екатерину на разговор, но та отмалчивалась либо отвечала односложно. Никак не могла прийти в себя.

За маленьким столом накрыли для двоих. Великий князь не заставил себя ждать. Они сели, пришлось обождать, пока слуги подадут и выйдут.

– Она была так зла, что походила на фурию, – хихикнул Петр. – Ей бы волосы распущенные да хламиду вместо фижм!

– Ее гнев меня напугал. Я до сих пор не могу успокоиться! – прошептала Екатерина.

– Мы смогли отвлечь ее от вашей персоны. У нас все получилось!

– Но такой ценой! Она высказала все, о чем мы догадывались, в любой момент может передумать и отправить нас в крепость!

– Не отправит! Но теперь вы видите, как шатко наше с вами положение. Я был прав, когда начал организовывать из верных нам людей маленькую гвардию!

– Ваше Высочество, все ваше войско уместается в ваших покоях... – грустно улыбнулась Екатерина. – Не слишком ли она комнатная?

– А какая разница, где обучать офицеров моей комнатной гвардии? Малый размер – меньше подозрений, больше умений и внимания к каждому!

– Вы забываете, что у нас их постоянно забирают, едва начинают подозревать в неблагонадежности.

– От этого они не перестают быть моими верными слугами! – рассердился Петр. – Они продолжают быть преданны мне и только мне. Я всегда смогу рассчитывать на них!

«Я смогу всегда рассчитывать на них» – сильно резануло слух Екатерине, она непроизвольно посмотрела на супруга-наследника и вдруг весьма отчетливо поняла не очень приятную правду. Люди, которых готовил Петр, будут преданы ему, а не им обоим, не ей, что рискует не меньше, добывая для комнатной гвардии необходимую амуницию и оружие. Он – наследник, как бы ни было в прошлой истории Российской империи, но Елизавета сто раз подумает, накажет его, но сохранит ему и статус и жизнь. А ей, Екатерине, грозит смерть, наверняка Тайная канцелярия обвинит и припишет все проступки наследника по организации заговора против императрицы. Над открытием следовало подумать. И в голове маленькой семнадцатилетней княгини возник план собственного спасения. От кого? От собственного мужа, если он предаст их дружбу.

После ухода супруга в комнату вошла Крузе, она сделала реверанс перед Екатериной и сразу затараторила:

– Я восхищаюсь нашей матушкой-императрицей, ее муд-

ростью: согласитесь, она поступила как настоящая мать! Объяснила Петру Федоровичу, в чем смысл его проступка и какое наказание ждет! Истинно матушка, любящая детей своих!

Крузе крутилась перед Екатериной, пытаясь вызвать ее на разговор. Но маленькая княжна спряталась за чтением книги и демонстрировала полное безучастие к словесному фонтану восхищения императрицей. Только Крузе не унималась, и Екатерина решила, что дама специально прислана к ней: Елизавету интересует ее мнение. Нужно было дать достойный ответ.

– Ее Величество поступила как мать, которая ругает детей для их блага! А вы, Ваше Высочество должны были оба поклониться и ответить: «Виноваты, матушка!», как должно детям неразумным, и все – она бы остыла и простила вас сразу! – щебетала Крузе.

– Я настолько была смущена поступком великого князя, растеряна и напугана гневом нашей императрицы, что, видит Бог, не могла найти слов и повиниться перед нею, – пролепетала Екатерина, скромно опуская взгляд в распахнутую книгу. – И единственное, что могла в тот момент сделать – молча стоять и краснеть, слушать и внимать словам матушки-императрицы. Чтобы не вызвать ее дополнительного расстройства и гнева.

– Запомните мои слова, Ваше Высочество: «Виновата, матушка!» Всегда их говорите, ежели государыня сердиться

начнет. Позвольте вас покинуть? – довольная разговором Крузе поклонилась и вышла. Екатерина не сомневалась, что она побежала доложить о разговоре императрице.

«Какие простые слова, а ведь я не раз их слышала, даже вот недавно камердинер так сказал, и гнев Елизаветы сразу поутих. Видно, это волшебные слова в России? Недаром существует поговорка «Повинную голову меч не сечет». Достаточно повиниться и тебя простят? Нужно запомнить».

Наследник Елизаветы любил музыку, а больше всего – играть на скрипке. При дворе была необычайная скука, и для развлечения он организовывал концерты днем, на которые собирался весь Малый двор. Петр Федорович решил не изменять привычкам и устроил небольшой концерт. Екатерина любила балы, она хорошо танцевала. Но вот такие самодеятельные концерты у нее вызывали раздражение и скуку, к тому же проходили они в дневное время, когда в летнюю жару нестерпимо тянуло спать. Так и в этот раз, демонстративно подавляя зевок за зевком, великая княгиня тихо выскользнула из комнаты, прикрыла дверь и поспешила к себе. В покоях стояла тишина, летали с жужжанием мухи. Крузе в этот день уехала к дочери, и в покоях никого не было. Читать не хотелось, в окно смотреть тоже. Екатерина открыла дверь в большую залу Летнего дворца, решив посмотреть, как далеко продвинулись художники, что работали над росписью потолка. Зал был в строительных лесах и пуст, оче-

видно, работники ушли на обед. Екатерина задрала голову вверх и залюбовалась участками уже обновленной росписи. Держать так голову оказалось неудобно, и занятие ей быстро наскучило, великая княгиня пошла к себе. Но внезапно тишину прорезал скрип в противоположной стороне. В приоткрытую дверь выглянул камергер наследника – Андрей Чернышев.

Екатерина обрадовалась: Чернышев был приятен в общении. Она вернулась к себе, махнула ему рукою, подзывая.

Чернышев, не скрывая испуга от неловкого положения, робея, все ж подошел.

– Сударь, скоро ли вернется императрица? – начала невинный разговор Екатерина, стоя в своей комнате и держа дверь полуоткрытой.

– Ваше Императорское Высочество, впустите меня в комнату, тут очень шумно, – попросил Чернышев, рукой опираясь на дверь. Екатерина перехватила инициативу и удержала порыв молодого человека.

– Нет. Мы можем говорить только так, – она уже была и не рада, что позвала его.

– Я давно хотел вам сказать, что вы – предмет моего обожания, я не могу жить без вас, каждое поручение вашего супруга к вам я принимаю как дар – я могу видеть, слышать вас... Это такое счастье! Не гневайтесь на меня. Я ваш покорный слуга!

– Немедленно прекратите! Вы меня компрометируете!

– У меня нет сил скрывать свои чувства к вам!

Екатерина оглянулась и увидела: дверь в комнату была открыта, но она ее закрыла, когда пришла. Скорее ощутила, чем заметила непонятное шевеление за портьерами.

– Держите себя в руках, сударь! Прощайте! Мне не следует слушать такие речи! – она резко захлопнула дверь и обернулась: в комнату вошел камергер Петра – граф Дивьер. Екатерина всегда подозревала этого человека в слежке за Малым двором.

– Ваше Императорское Высочество, великий князь заметил ваше отсутствие и желает вас видеть, – камергер вежливо поклонился.

– Благодарю вас. – Екатерина прошла в покои супруга, гадая, насколько случайной могла быть встреча ее с Чернышевым и последующее появление графа Дивьера.

Вечером великий князь пришел в спальню необычайно возбужденный – красные пятна украшали его лицо.

– Представляете, у меня забрали трех камер-лакеев, наших верных братьев Чернышевых. Прямо в передней им зачитали приказ о зачислении их поручиками в полк рядом с Оренбургом. Я ничего не понимаю! Я привык, что моих любимых слуг забирают и меняют, тасуют людьми как картами в колоде, но Чернышевых! Я не выдержал и пошел к императрице, а она еще не вернулась. Я не смог спасти своих солдат!

На следующий день Петр, когда они были на ужине у им-

ператрицы, прошептал Екатерине:

– Боюсь, наша тайна раскрыта! Тайная канцелярия арестовала: Румберга, Долгова, Леонтьева.

– Амуниция и оружие спрятаны хорошо? – побледнела Екатерина.

– Надеюсь. Не будут же они обыскивать мои покои?!

– В вашем присутствии не посмеют, а в отсутствие им никто не помешает, если кто из доносчиков не донесет.

– О тайнике знают Чернышевы.

– Ой-ля-ля...

Тем временем в кабинете Елизаветы всесильный канцлер Бестужев зачитывал специальные инструкции новому обер-гофмейстеру наследника князю Василию Аникитичу Репнину – генерал-губернатору Санкт-Петербурга, который был огорошен новым назначением, а потому от растерянности не слишком внимательно вслушивался в читаемые инструкции:

– ...Для соблюдения должного себе респекта всякой пагубной фамильярности с комнатными и многими другими служителями воздерживаться имеет. Мы повелеваем их в пристойных пределах содержать. Никому из них не позволять с докладами, до службы их не касающимися, и иными внушениями или наущениями к Его Высочеству подходить и им всякую фамильярность, податливость, притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров и прочее – накрепко и под опасением

наказания запретить...

«О, Господи, помилуй! – перекрестился Репнин. – Прям тюрьма!» – и прослушал следующую фразу, но поднатужился и услышал остальное, отчего генерала прошиб холодный пот.

«...Великой княгине должно быть прилежно применяться более покорно, чем прежде, со вкусами мужа, казаться услужливой, приятной, влюбленной, пылкой даже в случае надобности, употреблять, наконец, все свои посильные средства, чтобы добиться нежности своего супруга и выполнить свой долг...»

Елизавета усмехнулась:

– Все, что вы, князь, здесь услышали – величайшая государственная тайна. Вам оказывают высочайшее доверие. Я приветствую интерес наследника к военному искусству, но больно много людишек могут воспользоваться слабостью и неопытностью наследника нашего. Потому жесточайше придерживайтесь сей инструкции. Будьте предельно осторожны с великой княгиней – мастерицей обласкивать людей к ней приближенных. Судьба России в ваших руках, князь!

– Государыня-матушка, помилуйте, больно напуган я таким документом. По силам ли милость ваша?

– Сам понимаешь, князюшка, наследнику нужно знать военное дело, но не создавать своей армии... Мало ли куда его подтолкнут лживые люди? Молод еще, разобраться в правде-то. Мы, чтобы тебе помочь, устроим так, что не будет у

наследника постоянной прислуги, канцлер уже указ подписал. Каждую неделю лакеи будут сменяться. Так что остальное за тобой! Не подведи меня.

Екатерина подозревала, что тайные занятия военной наукой Петра с камергерами и камердинерами были открыты шпионами Елизаветы. Через пару дней она получила подтверждение своим догадкам. На удивление, императрица была радостной и приветливой – небывалый случай, пригласив супругов к себе, осчастливила новостями:

– Радует меня, Петр, ваше стремление и любовь к военным знаниям. Токмо что ж это за занятия с камердинерами и лакеями? Чему они вас научить могут, здесь нужен муж грамотный в военном деле, да и не все по книжкам можно изучить. Решила я назначить тебе наставника, что всегда при тебе будет, и растолковывать знания разные.

Петр и Екатерина переглянулись: вместо гнева милость? Неслыханное дело! Наставник в военном деле? Радость! А в чем подвох-то?

– И кого же вы, матушка-государыня, ко мне назначили? – не стал скрывать заинтересованности наследник.

– Да ты его знаешь, это наш славный генерал-губернатор Петербурга, князь Василий Аникитич Репнин, человек бывалый, в походах участвовавший. Да и в остальных вопросах порядочный и честный человек.

– Генерал Репнин? – удивленно протянул Петр, стреми-

тельно пытаюсь вспомнить о названном человеке всю информацию и определить для себя: хорошее или плохое назначение. Екатерина тоже непроизвольно сморщила носик и быстрее Петра поняла – это хороший подарок, очень неожиданный, но им с Петром нужный.

– Я уже сообщила князю о назначении его обер-гофмейстером вашего Малого двора, с завтрашнего дня он приступит к новым обязанностям. А бездельников графа Брюммера и обер-камергера Бергхольца от занимаемых ими должностей при великом князе я приказала освободить. Довольно. Ну-с, вижу, вы довольны, Петр Федорович? Угодила. А теперь побалую я и вас, княгиня Екатерина Алексеевна! Так и быть, назначаю к вам обер-гофмейстериной свою родственницу – графиню Марию Чоглокову! Дама известная своими добродетелями и преданностью! Вы с нею знакомы.

– Благодарю вас, Ваше Величество! – побледнела Екатерина. Она хорошо знала новую статс-даму – двоюродную сестру императрицы. С одной стороны, назначение ей в услужение столь знатной женщины – особая милость, но с другой – надзор за княгиней ужесточался прямо пропорционально. Гофмейстерина должна всегда быть рядом с Екатериной, общение любого человека с княгиней только через нее.

«Чем же я так прогневала Елизавету?! Ни для кого не секрет, что Чоглокова – глаза и уши Бестужева! А уж он-то ни любви, ни слабой приязни ко мне не питает».

Появление на следующее утро Чоглоковой Екатерина пе-

режила с большим трудом. Присутствие женщины давило на нее и угнетало. Княгиня пряталась за чтением книг, изредка прислушиваясь к мельтешению надзирательницы – Чоглокова переселялась, внимательно следя за слугами, которые перетаскивали узлы и корзины с вещами.

Образ добропорядочной, счастливой и любящей жены, что демонстрировала новая гофмейстерина, раздражал, и Екатерина, обычно приветливо принимавшая новых женщин в свою свиту, пыталась успокоиться – читала новый французский роман.

История влюбленных оказалась печальной. Слезы сами набегали на глаза, Екатерина, как ей казалось, смахивала их украдкой и тайком вздыхала. На отношение к Чоглоковой повлиял донос Крузе, дама преданно доложила об инструкциях Елизаветы в отношении великой княжны и причины, по которым это назначение состоялось.

«Ее Величество так и сказала: ты, сестрица, должна служить образцом для великой княгини. Ты теперь – хранительница супружеского согласия великокняжеской четы!» – вспоминала слова Крузе, передавая их дословно Екатерине. И так горько становилось от всеобщей осведомленности ее семейных отношений с Петром, что уж и книжных строк не видела, и думать ни о чем не могла. Ведь не было этих отношений! Склонная корить во всем себя, Екатерина металась в попытке их устроить, придумать, но все разбивалось не начавшись. Для Петра Федоровича она оставалась верным дру-

гом и соратником, но никак не возлюбленной. Описанные в романах сцены соблазнения вызывали яркий румянец на ее щеках, она пыталась представлять себя и супруга наедине в постели, но не получалось – выходило грубо и пошло. Екатерина понимала: она оказалась совершенно неподготовленной к семейной жизни. И это при знании о флирте, любовных страстях, адюльтерах, окружающих ее. Печаль и отсутствие подсказки, редкие, но имеющие место намеки императрицы, что всплывали в воспоминаниях, довели Екатерину почти до обморочного состояния.

– Я плохо себя чувствую, пойду прилягу! – объявила она женщинам, в надежде, что в спальне сможет спокойно поплакаться, вдали от назойливых глаз. Но не тут-то было. Чоглокова засуетилась, приказала привести лекаря, послала сообщить о плохом самочувствии великой княгини императрице и наследнику, словом, подняла шум, от которого так стремилась уйти Екатерина. Это ее расстроило еще пуще, и слезы неудержимо полились ручьем.

Лекарь осмотрел великую княгиню и пообещал на следующий день пустить кровь.

Екатерина вздохнула с облегчением: ее наконец-то все оставили в покое. В слезах она уснула, пообещав себе стать счастливой – назло врагам, которые отнимали у нее остатки свободы, дорогих ее сердцу людей, лишали права радоваться. Любить она еще не умела, в том смысле, что не знала, как это не иметь силы жить без другого человека, ловить взгляд,

трепетать внутри при его приближении. Она понимала, что любовь – это нечто большее, чем привязанность, которую испытываешь к родителям или родным. Хотя Петр был ей родственником, и по зову крови она уже любила его. Прояви он хоть маленький намек на нечто большее, и Екатерина бы загорелась, зажглась. От незнания что делать и плакала. Вечером, ночью, под утро, засыпая.

Утром пришла императрица. Она положила прохладную руку на лоб великой княгини и внимательно осмотрела ее.

– Нельзя так много плакать, дорогая! У вас красные глаза, вы плохо выглядите.

– Виновата, матушка, что-то с нервами, – пролепетала Екатерина, применяя на деле совет уволенной от нее Крузе. Императрица, подхватив пышные юбки, присела на край кровати, взяла ее за руку, нежно погладила.

– Вы похожи на молодую жену, которая не любит своего мужа. Слишком много слез. Я не понимаю вас. Когда решался вопрос о браке с Петром Федоровичем, ваша мать уверяла меня, что мой наследник не противен вам. Вас ведь не принуждали к браку, Екатерина? Вы по доброй воле пошли за Петра?

– Клянусь Богом, государыня, конечно, по доброй воле! Как вы могли подумать иное? – перепугалась Екатерина предположения императрицы. – И тогда и сейчас я испытываю к мужу нежную привязанность.

– Тогда мне не понятны эти ваши нервы! Вам нужно пре-

кратить плакать и больше уделять внимания своему супругу. Это ваш долг как жены, но есть и другой – долг женщины, будущей императрицы – вы обязаны подарить государству наследника! Я надеялась, что ваша мать говорила с вами об этом, – внимательный взгляд императрицы проникал глубоко и смутил Екатерину. – Говорила?

Екатерина залилась румянцем и кивнула, попыталась ответить, но императрица подняла руку, останавливая ее:

– Нежные чувства – это хорошо. Но этого мало, дорогая. Чувства должны быть видны, а вы их прячете за слезами и нервами. Нельзя забывать о долге, мужчины не любят плачущих жен! Я специально назначила графиню Чоглокову гофмейстериней. Она добра, но ее главное достоинство – она любящая супруга, счастлива в браке. У нее дети. Считаю, имея такой пример перед глазами, вы быстрее научитесь правильно себя вести с мужем и, надеюсь, вскоре подарите мне наследника.

Императрица поцеловала Екатерину в лоб, перекрестила:

– Поправляйтесь, ведите себя благоразумно – вы нужны России, – и вышла.

После кровопускания Екатерина почувствовала себя легче, она смогла подняться на следующий день, ее навестил Петр. Вид супруга был несколько смущенным, что он тут же по прямой своей и пояснил:

– Я в растерянности. Мне дали понять, что вы меня не

любите, так ли это, Екатерина?

– Ах! Я совершенно ничего не понимаю, Ваше Высочество! Это очередной заговор против нас! Ко мне приставили графиню Чоглокову, и это чудо, что ее нет сейчас рядом! Мне дали понять, что я должна брать с этой дамы пример, и только так смогу доказать свою привязанность и любовь к вам! Боюсь, меня подозревают в чем-то грязном и неприличном!

– Фуух... Я уж думал, что-то серьезное! – обрадовался Петр. – Надеюсь, ваше самочувствие улучшилось?

– Да. Спасибо, но...

– Замечательно, мы продолжим наши занятия! – перебил Петр, – Генерал Репнин просто чудо, он прекрасно разбирается в артиллерии, а это весьма важно: за нею будущее всех побед в новых войнах! Еще он хорошо понимает в фортификации, Катрин. Вы так много пропустили со своей болезнью!

– Ваше Высочество! – перебила словесный поток мужа Екатерина, у которой уже не было сил слушать бурное излияние похвал новому наставнику. – Вы не видите проблемы?

– Простите. Какой? Наоборот, у нас все складывается замечательно, генерал...

– Ваше Высочество, мне скоро открыто будут говорить о моем долге! Остановитесь хоть на минуту и постарайтесь меня понять и услышать!

– Мадам, вы о чем? – На лице Петра читалось искреннее недоумение. – Я не сомневался в вашей дружбе, в вашем хо-

рошем отношении ко мне. Вы устраиваете меня как супруга. Зачем вы тратите время и нервы на какие-то мелочи, они не существенны! Вы устраиваете меня! А что кому-то что-то кажется, бог с ним! Я доверяю вам, – взмахнул рукой Петр и, чтобы прервать разговор, поспешил к двери.

– Увы, Ваше Высочество, от доверия дети не рождаются... – Екатерина огорченно посмотрела супругу вслед.

«Что же делать?! Намеки могут перейти в прямые высказывания, а высказывания с огромной быстротой перевоплотятся в насмешки, потом в анекдоты. А потом... Потом последует постыдный развод на старости лет и изгнание. Я не хочу этого! Но и адюльтер не выход, любая связь опасна: кругом столько глаз. Да и как? С кем?! Я не посмею!»

Вскоре чета наследников переехала в Петергоф. Петр, постоянно советуясь с Репниным, занялся руководством строительства крепости на южной стороне Ораниенбаумского дворца, недалеко от ворот Парадного двора, на лугу, за Утиным прудом. Масса чертежей, постоянные советы, толпа крестьян, которых согнали на строительство потешной крепости, занимали все время наследника. Екатерина любовалась супругом: он носился целыми днями по стройке с горящими глазами и принимал деятельное участие в возведении укреплений.

– Как только закончим, устроим фейерверк, – довольно потирал руки Петр. – Осталось немного, Катрин, и у нас бу-

дет настоящая крепость, плац, арсенал, казармы! А назову я крепость... Догадайтесь, мадам, как я ее назову?

– Малая Голштиния? – рассмеялась Екатерина. – Вы ведь просто бредите ею!

– Нет. Не угадали! Я назову ее именем моего величайшего друга и соратника!

– Фи-и, Репнинштадт? Не звучит, Голштиния была бы лучше, – разочаровалась Екатерина, недовольно надув губы, старательно скрывая ревность к генералу и столь неудачный выбор супруга.

– Нет! Мой друг, что поддержал в начале моего пути, вы, Катрин! Крепость будет названа «Екатеринбург»!

– Благодарю вас, Ваше Высочество, – удивленно пробормотала польщенная Екатерина.

– Василий Аникитич, что ж ты, негодяй, творишь?! – стукнула кулаком по столу Елизавета, собираясь задать жару наставнику Петра. Вчера вечером ей донесли о строительстве крепости в Ораниенбауме, и она пришла в такой гнев, что едва дотерпела до утра, вызвав на «ковер» генерала Репнина.

– Ваше Величество, за что вы на меня так гневаетесь? – Бледный, в тон парика, ничего не понимающий Репнин стоял навтыжку перед императрицей, сверкая начищенными пуговицами мундира.

– Что за укрепления возводятся в Ораниенбауме? Как ты,

подлец, посмел такое допустить? Почему нарушил инструкции канцлера Бестужева? – продолжала гневаться Елизавета.

– Что ты, государыня-матушка! – расплылся Репнин в благодушной улыбке. – Какие укрепления? Врут доносчики твои.

– А вот это что? – Елизавета кинула на стол пачку бумаг. Репнин живенько подхватил листки и бегло просмотрел. Это оказались счета на поставку дерева, гвоздей, пеньки. Весь строительный материал пошел на крепость «Екатеринбург» в Ораниенбауме.

– Государыня, не буду отрицать, знакомы бумаги эти. Не слушай ты людишек подлых! Наследник твой, Петр Федорович, учится военному мастерству, строит крепость махонькую, название ее «Екатеринбург», в честь Екатерины Алексеевны. Забавляется. Ты ж сама, матушка, говорила, чтобы я его обучал, все делаю согласно твоему указанию! Наследнику много потом крепостей строить нужно будет во славу Российского государства, а когда ему учиться, если не сейчас, под моим присмотром?

– Ты меня не убаюкивай сказками-то! Чем в «махонькой крепости» заниматься-то будут, а? – не успокаивалась Елизавета, но гнев немного спал, и Репнин, уже не опасаясь, продолжал докладывать:

– Как чем, изучать под моим присмотром осаду и штурм крепостей, да не беспокойся, матушка-государыня, ведь в солдатах мужичье одно будет, с палками...

– Так ли с палками? – с недоверием перебила Елизавета, вновь насторожившись. – Пойми ж ты, Василий Аникитич, не против я изучения наук наследником, против заговоров разных, людей ненадежных, что смущают неокрепший ум Петра Федоровича!

– Нет такого, государыня, клянусь жизнью! Все делается в меру, за всем присмотр тщательный. Не готовят дети твои никаких заговоров! Вот сама бы ты, государыня, поехала б и поглядела, как наследники вместе ходят, играют как дети малые.

– Петр Федорович с Екатериной Алексеевной вместе? Как часто?

– Да всегда вместе, матушка, как голуби, – заулыбался Репнин.

– Что ж, слушаюсь твоего совета, и правда, надобно наведаться да самой поглядеть!

Елизавета Петровна сдержала обещание и прибыла в Ораниенбаум на следующей неделе. Прибыв, она не сразу отправилась смотреть на возводимую крепость, а понаблюдала из окна за поведением наследников. Петр и Екатерина, весело смеясь, кружились вокруг стола с ворохом чертежей. Петр заставлял жену стоять в карауле, но она каждую минуту то начинала притаптывать на одном месте, то махать фрейлинам платочком, то поворачивалась из стороны в сторону, по-нуждая наследника отрываться от чертежа, подходить к ней и в очередной раз ставить ослушницу на указанное место,

прижимать руки по швам, вручать какую-то палку. Все это действительно напоминало больше игру, когда же Петр шуточно погрозил жене за очередную шалость, а та, заливаясь смехом, чмокнула его в щеку, императрица вздохнула облегченно и отправилась к крепости поприветствовать супругов.

Целый час Петр водил Елизавету по строительству, детально рассказывая ей, что и где он планирует поставить. Поход настолько утомил императрицу, что она в изнеможении запротестовала:

– Все, Петруша, утомил ты меня своим строительством, фортификациями! Хватит! Другим бы вы, дети мои, порадовали, наследником побаловали! А это что? Игрушки одни. Баловство!

– Виноваты, матушка, исправимся! – хором пробормотали смущенные «дети».

– Смотрю на вас, таких веселых – душа радуется! Но мои слова помните! – погрозила пальцем Елизавета и отправилась в Петергоф.

– Поверила? – спросил Петр, распрямляясь после поклона.

– Надеюсь, – прошептала Екатерина, вспомнив, сколько серебряных монет пришлось отсыпать доносчику за новость о визите императрицы и времени приезда.

– Вечером...

– Ваше Высочество, я вечером занимаюсь верховой ездой, вы же знаете.

– Да, забыл. Будьте осторожны с ездой в мужском платье, чтобы тетушка вас не увидела.

– Постараюсь, – Екатерина сделала реверанс и пошла к фрейлинам.

Распорядок ее дня этим летом был чрезвычайно насыщен. Вставала она рано, не любя охоту, отправлялась с егерем на залив, где без устали стреляла в уток, тренируя руку и умения. Иногда к ним присоединялся Петр. Предварительно отправив егеря во дворец с добычей, вдали от посторонних глаз, он обучал военным упражнениям Екатерину, доводя ее умения до совершенства. Вскоре великая княгиня могла исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера, чем весьма радовала супруга. Все эти занятия она выполняла добровольно и с охотой, потому что считала полезными для себя и непонятного будущего. Прежде всего это было целесообразно, а значит, необходимо. Необходимо по одной простой причине – они оба понимали, что государыня или одна из политических группировок при Большом императорском дворе в любой момент могут принять решение поменять нынешнего наследника и его жену. «Призрак во плоти» – Брауншвейгская семья – настойчиво маячил на горизонте, а о том, что в Российской империи все возможно, доказывали многочисленные дворцовые перевороты. Великий князь и княгиня не хотели умирать молодыми, предпочитая быть готовыми и дать достойный отпор в случае перемен. Для этого была необходима армия, а также умение ею

управлять. И супруги прикладывали силы, чтобы занять и то и другое.

Передохнув и переодевшись, Екатерина отправлялась на конюшню и часами носилась верхом по окрестностям, в мужском костюме, на мужском седле. Как ни старалась быть осторожной, но на глаза императрице Екатерина все же попала. Ей пришлось выслушать много неприятных слов, перетерпеть большой гнев и услышать самую неприятную фразу:

– Если вы, Екатерина Алексеевна, и далее будете так увлечены верховой ездой и в мужском седле, что само по себе непомерный стыд и срам, то, видно, я никогда не дождусь от вас с Петром Федоровичем наследников. А именно это – ваш первейший долг, сударыня! И не скачками вы должны заниматься, а беречься и родить здорового наследника! Если вы сами не соизволите заняться этим вопросом, то решать его начну я!

Екатерина и рада была бы применить известные женские хитрости, подсмотренные за дамами и матерью, но едва Елизавета покинула Петергоф, в Ораниенбауме все закружилось-завертелось с новой силой. Петру Федоровичу удалось завербовать в свое войско весь Малый двор. Теперь солдатами и младшими офицерами были все: камергеры и камер-юнкеры, дворовые люди, адъютанты и камер-лакеи, даже садовники и егеря, даже князь Репнин и его сын. Все вооружились мушкетами и участвовали каждый день в учени-

ях, караулах. Петр Федорович принял на себя звание капитана, а князя Репнина назначил адъютантом. Вечером и утром проводилась оглушительная стрельба с вала крепости, как будто орды врагов вели наступление на маленькую защитницу их прав. Все терпеливо заучивали разнообразные сигналы, причем наследник сам принимал экзамен у своей армии. Так они проводили день. И в этом расписании у Екатерины не было ни малейшего шанса соблазнить или просто покетничать, пофлиртовать ни с мужем, ни с любым офицером «комнатной гвардии». Фрейлины грустно дули пухлые губки, крутились подле плаца или недалеко от насыпанных валов крепости, радостно махали тончайшими платочками, и все. Бравая гвардия к ночи падала с ног и проклинала тот день, когда дала добровольное согласие принимать участие в «детских играх» наследника. Многие понимали, что это уже выходит за рамки «детскости», тайком строчили доносы в Тайную канцелярию, но их было меньшинство, и императрица, веря тому, что увидели ее собственные глаза, презрительно отмахивалась от шпионских докладов. Так продолжалось, пока на аудиенцию не попросился с докладом глава Тайной канцелярии Александр Иванович Шувалов, недавно сменивший на этом посту Ушакова.

Граф Шувалов имел репутацию слишком серьезного человека и в неурочное время доложить мог только нечто выходящее за рамки обычных сообщений, к тому же он был братом фаворита императрицы – любезного сердцу старе-

ющей государыни Ивана Ивановича. Елизавета забеспокоилась, отменила вечернюю игру в карты и уединилась с высоким, статным графом в кабинете, запретив кого-либо пускать.

Со спокойным видом, не проронив ни слова, граф Шувалов разложил на столе перед императрицей исписанные протоколы допросов, что вынул из увесистой папки, и отошел к окну, заложив руки за спину. Пока Елизавета изучала документы, он не проронил ни слова.

– Допросы проводились с пристрастием? Может, со страху оболгали? – задала первые вопросы императрица.

– Сначала доносы, потом допрос, а потом и пристрастие, – тихо ответил Шувалов, поворачиваясь от окна к Елизавете, с легким поклоном. – Все как при сложном дознании.

– Сам присутствовал?

– Присутствовал, при пристрастии, чтобы куда дальше не пошло, матушка-государыня, – вновь поклонился Шувалов.

– И что делать предлагаешь? Как к этому отнестись?!

– Изъять оружие, амуницию, палатки, людишек разогнать, кто чином повыше и родовитостью, можно ко мне в Тайную канцелярию, поспрошаю, остальных в армию. А как еще поступить, ведь скандала нужно избежать? Строганова, прикажи, сразу поспрошаю.

– Все тебе «поспросать»?! Строганова не трогай, здесь его вина малая, попросили деньги занять, был капитал свободный – дал, не трогайте его. Меня другое волнует: кто научал

и подбивал наследника моего неразумного на организацию этого дела? Что Катька крутит хвостом и деньги занимает, то давно уж и без тебя знаю. Траты непомерные ведет, докладывают постоянно. Доносы обманные шпионы научились составлять. Всех обласкала, кто не поддался – подкупила. Прав Бестужев был – вся в маменьку! Но я никогда не могла подумать, что они сговориться смогут против меня, своей благодетельницы, ишь, заговор удумали!

– Позволь, государыня-матушка, тебя поправить, ить не было заговора против тебя.

– А это что? – Елизавета схватила пачку бумаг и потрясла ими.

– Это они так себя защитить хотели, почитайте внимательно вот это. – Шувалов быстро нашел среди разбросанных листов нужный и подал его императрице. – Больно ты прижимаешь их.

– Дай им свободу, так они таких вольтеровских вольностей напустят, так Россию потом по кускам разнесут, что не соберешь! – отрезала Елизавета. Она хотела подумать, но перевешивало желание наказать свободолюбивых неблагодарных родственников, которых выбрала себе в наследники. – Все, что ли?

– Так точно, Ваше Величество. Будут ли какие указания? – поклонился граф Шувалов.

– Нет. Ступай!.. Постой!.. Дело это закрой. Сама разберусь с виноватыми!

– Слушаюсь, Ваше Величество!

Утром императрица приказала вызвать графа Репнина и канцлера Бестужева.

Первым явился Бестужев, изучив документы, что принес Шувалов, он замер и посмотрел на Елизавету, не спеша излагать свое мнение.

– Что скажешь, граф?

– А что тут говорить, наказывать нужно да ответственных лиц снимать с должности, пока не попустили на нечто большее, матушка.

– Сейчас же составь документ, я здесь набросала о чем. Скоро появится князь Репнин. Он военный человек, не сомневаюсь, что предан нам, но в дворцовых интригах не искусен, как видно из протоколов допросов. Не буду его наказывать, отправим в армию, куда подальше, пусть своими пушками занимается, в этом он преуспел. А на его место нужен человек надежный. Что Чоглоков, зять наш, уже вернулся? Ловким ли, надежным себя показал?

– Ловким, матушка. Да службе при наследнике особая ловкость и не нужна. Верность прежде всего требуется и послушность. Сгодится.

Граф Репнин был потрясен, когда Бестужев зачитывал указ императрицы об отстранении его от службы у наследника. Это было настолько неожиданно, что фразы приказа сливались в монотонный гул, долетая лишь отрывками:

– ...Яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных

предерзость возымели так называемый полк в покоях Его Высочества учредить и себя самих командующими офицерами над государем своим, кому они служат, сделать, особливые мундиры с офицерскими знаками носить и многие иные неучтивости делать, чем Его Высочества чести крайнейшее предосуждение чинится, военное искусство в шутки превращается, а Его Высочеству от столь неискусных людей противные и ложные мнения об оном вселяются...

– Вы не оправдали нашего доверия, граф. Вас отстраняют от службы у нашего наследника... Благодарите за милость государыню, что не в Сибирь отправляем.

Глава III. Под колпаком

1749

После отставки Репнина и замены всей прислуги при Малом дворе положение супругов стало больше напоминать содержание государственных арестантов. Особенно тяжело переживала Екатерина, потому что Петр принял это как должное и вновь занялся своими солдатыками и чертежами. Изредка наследник продолжал обучать ее, Екатерину, чтобы та не потеряла выучки. Но теперь это делалось вновь тайно и редко. Роптать было бесполезно, но Екатерина смирилась лишь после того, как смогла установить связь с верными людьми из полка, где служил Чернышев. Золота и подарков, а также любезностей стоило немало, но оно того стоило.

Наступила Масленица, но двор оказался в унынии, балы не проводили, и Екатерина уж не знала куда себя деть, с тоской глядя в окно, где по улице бегал народ и веселился. Причиной оказалась внезапная болезнь императрицы, которую приближенные старались от всех скрыть, но только не от великой княжны, что имела осведомителей, начиная от конюха и заканчивая придворными фрейлинами государыни.

О недуге Елизаветы Петровны Екатерина прознала сразу.

Рано утром пришел Евреинов и сообщил, что канцлер Бестужев и генерал Апраксин провели ночь в комнатах у Чоглокова. Это могло означать только резкое ухудшение самочувствия императрицы.

Теперь Екатерина поняла, отчего супруги-надсмотрщики имели нахмуренно-встревоженный вид на обеде и ужине с великокняжеской четой. Вот только загадочным оказалось их умалчивание состояния императрицы. Екатерина сочла необходимым сообщить догадки Петру, умолчав, от кого получена информация.

– Но это безобразие! Мы не смеем ни у кого спросить о состоянии тетушки, потому что нам ничего не сообщили о ее недуге! Мы не можем задать вопросы, не вызвав подозрения и не навлекши беду и Тайную канцелярию на головы друзей! А если что случится вдруг? Что тогда будет с нами, ведь нас держат в неведении. Это очень плохо для нас, Катрин! А у меня нет ни одного рядового! Ни оружия. Ни верных людей! Что же делать?

– Насчет людей не переживайте, Ваше Высочество, у нас есть целый полк Чернышева, еще и капралы. Имен называть не могу, но защитить нас есть кому.

– Вот как? И каким образом вы... Хотя, зачем я спрашиваю, правду вы не скажете... Но не ожидал, что у вас будут связи и защитники!

– С Божьей помощью, Ваше Высочество! У нас есть защитники, – сделала ударение на «нас» и скромно потупила

глаза Екатерина.

Напряженная жизнь в неизвестности продолжалась почти две недели. Наконец императрице стало лучше, и Екатерине шепнули: Елизавета украшала бриллиантами одну из своих фрейлин к свадьбе, но настолько слаба, что к праздничному столу пока не выйдет. Присутствовать вместо нее будет великокняжеская чета.

За столом Екатерина оказалась рядом с графиней Шуваловой, именитой Маврой, родственницей фаворита Ивана Шувалова.

«Вот же незадача, так попасть!» – огорчилась Екатерина, зная подноготную лучшей и верной подруги императрицы Елизаветы, неизменно веселой и остроумной, охочей до колкостей и насмешек дамы, которой опасались все придворные. Поговаривали, и не без основания: сам Кирилл Разумовский, боясь за свои грешки, иногда заискивал перед ней.

А Екатерина в очередной раз диву давалась, как такое сокровище, ужасное и снаружи и внутри, могло покорить сердце мужчины – отца Петра Федоровича. Скрыть, что Мавра долгое время являлась фавориткой, отбив у цесаревны Анны мужа – отца Петра Федоровича, не удалось, об этом шептались при всех дворах. Еще матушка Екатерины в то время кривила губы и поражалась дурному вкусу своего брата.

– Мы так переживали за нашу государыню, – молвила, на-

чиная разговор Шувалова, с аппетитом вгрызаясь в крылышко утки. Екатерина насторожилась, а потом обрадовалась – графиня первая заговорила о состоянии императрицы, теперь великая княгиня могла поддержать разговор на интересующую тему, не выдавая своих доносчиков. Любимица императрицы поведала во всех подробностях о злоключениях Елизаветы: в постель ее уложил сильнейший приступ колик.

– Мне доставляют огромное огорчение болезнь и страдания Ее Императорского Величества, но я молилась о ее скорейшем выздоровлении и рада, что оно наступило, – искренне ответила Екатерина. Мавра покосилась на великую княгиню, но, не уловив в голосе ничего, кроме необходимого искреннего сочувствия, ласково улыбнулась, ободряя:

– Я обязательно сегодня же передам государыне о вашем беспокойстве и участии. Уверена, Ее Величество с удовольствием узнает, что близкие молятся и желают скорого выздоровления.

Екатерина вежливо наклонила голову, чтобы скрыть ликование и улыбку на губах – никак не могла удержать радостного удовольствия – происки врагов неожиданно разрушил достаточно сильный противник. Теперь императрица будет знать, что наследники переживают, молятся о ней, но ничего из инструкции, составленной Бестужевым, ими не нарушено.

Через день Екатерине представился случай щелкнуть ненавистную Чоглокову по носу ее же правилами. Утром, по обыкновению, гофмейстерина вошла в покои и в присут-

ствии фрейлин, с безразличным лицом, объявила:

– Государыня Елизавета Петровна гневается на ваше Высочество и великого князя за недостаток внимания к ее состоянию. Вы даже ни разу не послали узнать, как она себя чувствует! Это неслыханно!

– Вот как, мадам? А каким образом я и великий князь могли бы послать узнать о самочувствии нашей любимой государыни, если ни вы, ни ваш муж не уведомили нас о болезни Ее Величества? Какое участие мы можем принимать в столь важном для нас событии, если нас с великим князем не информируют? Ведь это ваша прямая обязанность, графиня, как моей гофмейстерины, не так ли?

– Вы утверждаете, что ничего не знали о болезни государыни? Но это ложь, Ваше Высочество! На свадебном пиру вы разговаривали с Маврой Шуваловой именно об этом! Графиня сама сказала императрице, что вы говорили за столом о ее болезни!

– Разумеется! Так и было все. Когда графиня Шувалова сообщила мне причину, по которой Ее Величество отсутствует на празднике, я подробно расспросила ее, ибо для нас с великим князем это горе узнать, что близкий тебе человек болен, а ты не имеешь ни сведений о его состоянии, ни права послать уведомить больного в своем участии и молитве о скорейшем выздоровлении. Так что это ваша вина, графиня, Ваше несоответствие службе!

Очевидно, слова Екатерины рассердили Чоглокову, и та

покинула покои, недовольно бурча себе под нос. Одна из фрейлин не выдержала, предварительно убедилась, что вокруг только «свои», тихо обронила:

– Странно обвинять людей и сердиться на них за то, в чем они не осведомлены. Графиня Чоглокова забывает свои обязанности, но только она с супругом была вправе сообщить о болезни нашей императрицы. Раз они этого не сделали, пусть и ответ несут перед государыней! Может быть, Ее Величество увидит, как плохо служат ей эти Чоглоковы?

– Надеюсь, – тихо ответила Екатерина.

Едва императрица окончательно поправилась, на первом же приеме Екатерина без стеснения подошла к Елизавете и прояснила ситуацию.

– Ваше Величество, позвольте выразить вам радость видеть вас! Вышло недоразумение, мы с великим князем ничего не знали о вашей болезни и не могли выразить участия...

– Знаю, голубушка, Екатерина Алексеевна. Хорошо хоть верная Мавра доложила, что некоторые лица не сочли важным такое событие. Знаю, что молились вы о моем выздоровлении, все знаю. Не беспокойся, на вас с Петром не сержусь!

Весьма удивительным в этот жуткий период изоляции оказался внезапный подарок, доставленный из Парижа от герцогини Ангальт-Цербстской. Было удивительно получить что-либо от матери, получить дорогое и нужное, да и вооб-

ще что-то получить извне. Герцогиня прислала дочери два куска богатой и красивой материи.

Екатерина с восторгом любовалась, гладила ткань, восхищалась ее переливами. Она сразу же решила, что подарит ее императрице.

«Нужно сделать подарок Елизавете. Как не жаль с ними расставаться, но дело важнее. Может быть, в ответ она смягчится и ослабит надзор? Этот подарок непременно нужно сделать лично, самой принести и вручить Елизавете!»

Вокруг крутился новый камердинер Шкурин, прошлого, верного Евреинова сослали в Казань. Екатерина приглядывалась к слуге, но доверия между ними пока не возникало. Человек прислуживал исправно, вот и сейчас поворачивал ткани, как она просила.

– Решено! Я дарю эти ткани Ее Величеству, думаю, они достойны нашей государыни. Так красивы, богаты, – вслух произнесла великая княжна. Проблема была лишь в том, что теперь с императрицей было довольно сложно встретиться. Все, в чем возникала необходимость у Екатерины, императрице докладывали надсмотрщики. Для встречи с государыней Екатерине нужно было просить аудиенции через Чоглову и ждать высочайшего соизволения.

– Прибери эти ткани, я вскорости пойду к государыне и тогда их возьму. Да смотри аккуратно положи! – приказала великая княгиня камердинеру. – И никому ничего не говори! Поклянись!

– Слушаюсь, Ваше Высочество, – низко поклонился Шкурин.

Екатерина поспешила передать свою просьбу о встрече с императрицей через Чоглокову. Гофмейстерина сообщила, что императрица примет великую княжну в понедельник, то есть через два дня. Оставалось набраться терпения. Екатерина даже помечтала: Елизавета поблагодарит ее за подарок, обязательно ответит, они поболтают, выпьют чаю, государыня предложит принести Екатерине кофе, который та любит. Придворные будут шушукаться по углам, но главное – императрица смягчит свое отношение к ней, ведь Екатерина ее уважает и почитает, она не считает государыню врагом. Просто не так сложились обстоятельства, но ведь все можно поправить...

В понедельник утром, когда великую княжну одевали, в комнату вплыла Чоглокова и с равнодушным видом сообщила:

– Государыня Елизавета Петровна просит передать, что ей пришлось по душе материи, которые вы ей передали. Ее Величество оставляет одну себе, а другую возвращает вам.

– Как?! – Екатерина отмахнулась от фрейлины, что подавала ей ленту для банта на рукаве. – Как вы посмели отнести без меня мой подарок государыне?! Я не просила вас об этом! Да вы вообще не могли знать моих планов в отношении подарка матери! Это подло! Это низко! Вы лишили меня права сделать это самой! По какому праву?! – Екатерину уже

трясло от гнева, она взмахивала руками, вскочила со стула и швырнула в стену расческу, которую выхватила у парикмахера. На громкие крики сбежались фрейлины из других комнат.

– Ваше Высочество, я не сделала ничего, что бы мне ни предписывала инструкция, подписанная нашей государыней!

– Вы совершили подлость! Откуда вам стало известно о материях? Об этом знал только лакей Шкурин, это он меня предал?! Немедленно уволить негодяя!

– Ваше Высочество, возьмите себя в руки! Шкурин лишь выполнил предписания, он передал ваше желание мне. И вы не посмеете уволить его без разрешения Ее Величества, – настаивала Чоглокова. Она высоко подняла голову; придавая фигуре осанку, отчего распрямилась еще больше. Старалась говорить тихо. Порою срывалась на крик, но тут же вновь брала себя в руки. Появление фрейлин придало ей сил – нужно именно сейчас показать значимость своей особы и безграничные права, которыми наделила ее императрица.

– Я приставлена к Вашему Высочеству, чтобы через меня велись все переговоры. Сами вы не должны разговаривать с Ее Императорским Величеством, я говорила вам, что это приказ государыни Елизаветы Петровны, и нарушать его я не намерена! И если вы, Ваше Высочество, запомнили, то я напому вам, что все ваши фрейлины и слуги обязаны передавать все, что вы говорите, – мне. Это их долг. Шкурин

выполнил свой долг и доложил, а я свой – отнесла Ее Величеству материи. Мы оба сделали правильно, как требует инструкция Ее Величества!

Екатерина стояла перед Чоглоковой и больше не спорила. Ее щеки пылали от стыда и гнева, но она взяла себя в руки, переборола желание расплакаться – надсмотрщица не дождется.

«Такова моя судьба, терпеть от ничтожнейшего человека унижения».

Высказавшись, Чоглокова повернулась к застывшим фрейлинам, те вздрогнули от неожиданности и опустили взгляды в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.